

«Я ВАС ЛЮБИЛ...»

На крыше старого многоэтажного дома, возле кирпичной трубы, испещренной полустертыми надписями углем и мелом, из которых можно было узнать, что «Федька дурак», а «Зина + Сережа = ?», сидел Коля Голиков. Это было то заветное место, куда забирались ребята из Колиного двора, когда чувствовали потребность в одиночестве. У пятнадцатилетних подростков такие минуты выпадают нередко, и, судя по количеству надписей на трубе, заветное место служило прибежищем не одному поколению, выросшему и возмужавшему в старом многоэтажном доме.

Коля печально смотрел на бумажного змея, еще в прошлом году запутавшегося в электрических проводах, и размышлял о сочинении на вольную тему.

«Если б я мог написать о том, что случилось со мной в восьмом классе... Вроде я тогда все понял... А как начну вспоминать, сразу так задумываюсь, что все спрашивают: „Голиков, что ты такой грустный?“ А я не грустный, я думаю. Слишком трудная тема».

Может быть, Коля напишет свое сочинение о чем-нибудь другом, выбрав тему полегче. Например, «Как я провел лето» или «Моя любимая книга». Но историю,

которая произошла с Колей Голиковым в восьмом классе, стоит рассказать.

Если ваш двор соседствует с летним кинотеатром и с какого-нибудь дерева виден его экран, вам безусловно повезло в жизни. Еще лучше, если во дворе вашего дома — служебный вход в цирк. А ребятам из Колиного двора повезло больше всех. С ранней весны и до последних теплых дней осени они могли слышать гул толпы, гуляющей по Парку культуры и отдыха, и музыку духовых оркестров. В оконных стеклах старого дома по вечерам мелькали отблески неоновых реклам, а иногда и фейерверков. В парке были и кино, и цирк, и эстрадные театры — все вместе. Стоило только проникнуть сквозь ветхий заборчик, увитый никому не мешающей колючей проволокой, — и вы там. Мало того — в Колином дворе была калитка с надписью «Служебный вход», через которую на Колиной памяти прошло множество знаменитых артистов. Один раз даже Аркадий Райкин.

В тот памятный весенний день Жорка, рослый паренек с сигаретой в зубах, под треньканье гитары, в окружении почитателей его таланта исполнял невероятную смесь из чечетки, твиста, шейка и еще чего-то совсем непонятного.

Очень скоро должны были начаться экзамены, но Коля Голиков беспечно играл в пинг-понг со своим закадычным другом Женей Липатовым. Опершись о рамы велосипедов, за игрой наблюдали болельщики.

— Маришка, темп! — кричали игроки, когда мяч падал на землю.

Девочка в брюках и ковбойке бросалась за мячом. В ее глазах светилась благодарность за оказанное доверие.

По временам через двор проходили мужчины и женщины с чемоданчиками в руках. Некоторые из них несли

музыкальные инструменты. Задержавшись у стола для пинг-понга или возле танцующего паренька, они направлялись к артистическому входу. По дороге толстые оркестранты с большими трубами в футлярах обсуждали «смертельные» удары, и было смешно смотреть, как они повторяли движения дворовых «мастеров».

Но вдруг игра прекратилась. Коля увидел тоненькую девушку, появившуюся в арке ворот. Она шла с чемоданчиком в руке. Ее волосы были собраны в пучок на затылке.

Такое случилось с Колей в первый раз в жизни. Из-за дощатого забора по-прежнему доносился гул толпы, а ему показалось, что зазвучала скрипка.

— Сдаюсь, — сказал он и положил ракетку.

Жорин танец заставил девушку остановиться. Польщенный танцор «выдал» все, что мог.

Девушка пошла к артистическому входу.

— Артистка? — тихо спросил Женя Липатов у Марины.

— Что ты! — возразила Марина презрительно. — Дочка чья-нибудь.

— Наверно, балерина. Сегодня в Зеленом балет, — предположил Жора. — Эй, рыжая! — крикнул он девушке.

Та прибавила шаг.

— Испугалась, — продолжал Жора. — Ты нам скажи: ты артистка? Ну чего задаешься?

«Задаешься» — это очень тяжкое обвинение. Девушка остановилась и суровым взглядом обвела ребят.

— Ты так сделать можешь? — спросил Жора и, растопырив руки, задергал головой из стороны в сторону. Получилось, как у танцоров из восточных ансамблей.

Девушка усмехнулась, но было похоже на то, что она бы этого не сумела.

— А так?

Жора заколыхал плечами «по-цыгански».

Ребята зашумели:

— Рыжая, проводи меня на концерт!

— Да ее сейчас саму не пустят!

— Слабо ей...

А Жора все еще дергал плечами «по-цыгански».

И вдруг все стихло. Девушка подняла руку, и словно волна прошла от плеча к кисти.

— А так ты можешь? — сказала девушка и пошла к калитке.

Ребята смотрели ей вслед. У калитки девушка остановилась.

— У меня есть пропуск на одно лицо... Хочешь, мальчик? — предложила балерина Коле Голикову.

Очевидно, из всех ребят балерина выбрала именно Колю потому, что он смотрел на нее как зачарованный. Девушка не могла не заметить этого.

Коля огляделся. Девушка назвала его «мальчиком», и теперь все ждали, что он ответит. Надо было придумать что-нибудь остроумное.

— Не... я только на детские утренники хожу, — сказал Коля.

Это было не слишком смешно, но кто-то хихикнул.

И тогда Женя Липатов спросил:

— А можно мне?

— Возьми, — сказала девушка, наградив Колю уничтожающим взглядом.

Женя взял из ее рук пропуск и, с подчеркнутой учтивостью предложив девушке следовать дальше, пошел за ней. У самой калитки служебного входа он обернулся и послал друзьям прощальный «привет» пальцами.

Женя был из тех ребят, которых не так просто смутить. Очевидно, поэтому Коля и тянулся к нему. Постепенно

Женя стал даже для нерешительного Коли чем-то вроде учителя жизни.

— Ну и дурак! — сказал Жора Коле.

Фанерка с надписью «Хода нет» охраняла слабое место в заборе, который, очевидно, не раз брали штурмом. И вот какая-то доска в этом месте легко отодвинулась. Один за другим проскальзывали ребята в образовавшийся проход. Про Марину, как всегда, забыли, и она, презрительно проводив взглядом ушедших, принялась уныло играть мячом и ракеткой. Внезапно из щели в заборе возник Володя Сорокин, неуклюжий, молчаливый мальчишка, и, схватив Марину за руку, увлек девочку в парк.

Когда в опустевшем дворе появилась Лидия Николаевна, было совсем темно. Лидию Николаевну еще недавно называли просто Лидой. Ей только что исполнилось двадцать два года, но у нее была серьезная причина, из-за которой девушка старалась держаться как можно солидней.

Молодой человек, сопровождавший Лидию Николаевну, все время забывал об этой причине. Вот и сейчас он повел себя так, что Лидии Николаевне пришлось сказать тихо, но твердо:

— Убери руку. Моя ученица.

И действительно, мимо них прошмыгнула маленькая девочка.

— Здравствуйте, Лидия Николаевна, — сказала она и, понимая, посмотрев на свою учительницу, бросила оценивающий взгляд на молодого человека.

— Здравствуй, Козлова, — деревянным голосом ответила девушка.

А когда Козлова скрылась в одном из подъездов, неуверенно заметила своему спутнику:

— Мне кажется, ты ей понравился.

- А по-моему, наоборот.
- Вынь руки из карманов.
- Слушай, — взмолился молодой человек, — да не бойся ты их! Будь с ними попроще.
- А я и не боюсь. Убери руку.
- Никого же нет.

Но Лидия Николаевна, которую еще совсем недавно называли просто Лидой, слишком хорошо знала, с кем она имеет дело.

- Да? — с иронией спросила она своего спутника. Потом решительно объявила: — Во все окна смотрят.
- Вот жизнь! — вздохнул молодой человек.

А Лидия Николаевна уже остановила пробежавшего мальчика:

- Шурик! Где все ребята?
- Наверно, с крыши кино смотрят или в Зеленом концерт.
- Пойдем. Опаздываем, — поторопил Лидию Николаевну молодой человек.

Даже в открытом летнем кинотеатре Парка культуры Лидия Николаевна оглядывалась по сторонам, нет ли кого-нибудь из ее учеников — картина была явно из тех, какие детям до шестнадцати лет смотреть не полагается. Девушка почти успокоилась: в кино сидели только взрослые. Но тут взгляд ее скользнул по знаковой крыше. Возле кирпичной трубы сидела целая ватага малышей, и все они затаив дыхание смотрели на экран.

А на сцене Зеленого театра четыре девушки в одинаковых светлых, с блестками пачках исполняли знаменитый танец маленьких лебедей. Юные балерины удивительно походили друг на друга.

В последнем ряду сидела уже знакомая нам компания.

Ребята передавали друг другу целлофановый пакетик с жареной картошкой и, похрустывая румяными долька-ми, со скучающим видом смотрели на сцену. Они пови-дали здесь столько акробатов, иллюзионистов и даже чре-вовещателей, что «маленькие лебеди» не имели никаких шансов на успех.

— Чепуха! Ты лучше танцуешь, — сказала Марина Жоре.

— Все четыре — из хореографического училища ГАБТа, — прошептал Коля, глядя в программу. — А ка-кая из них наша, попробуй разбери.

— «Лена Масловец, Галя Кузина, Наташа Семерджи-ева, Надя Наумченко», — прочел в программке Жора.

— Масловец сразу отбрасывай: наша не может быть с такой фамилией, — решил Коля.

— А Кузина лучше?

— Все-таки не Масловец. По-моему, она крайняя справа.

— Если все четыре такие одинаковые, какая разница, кто из них «наша»?

— А может, попросим бинокль? — робко предложил Коля.

Жора — он был довольно бесцеремонный парень, — не говоря ни слова, взял бинокль из рук незнакомой тол-стой девочки в очках, сидевшей по соседству.

— Она.

Только Володя Сорокин отказался от целлофанового мешочка с жареным картофелем. Он внимательно смо-трел на сцену.

Наконец танец кончился, и раздался гром аплодисмен-тов. Больше всех аплодировал юным балеринам Женя Липатов, сидевший в первом ряду.

На следующий день у Коли Голикова был урок литературы. Он и Женя Липатов сидели за одной партой, а неуклюжий молчаливый подросток Володя Сорокин, как всегда, один где-то на «Камчатке». Урок вела Лидия Николаевна.

До Колиного слуха доносился монотонный голос:

*Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя...*

— Голиков, следующим тебя спрошу, — прервала бубнившую ученицу Лидия Николаевна. Она, очевидно, заметила отсутствующий взгляд мальчика.

А Коля действительно был сейчас далеко. В его ушах все еще звучала мелодия танца маленьких лебедей, и он пытался оживить в памяти насмешливое лицо девушки-балерины.

— Продолжай, — сказала Лидия Николаевна ученице, читавшей монолог Фамусова.

На мгновение встрепенувшийся Коля снова погрузился в воспоминания о вчерашнем вечере.

*Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович... —*

откуда-то издалека слышал он монотонный голос и улыбался неизвестно чему. Может быть, его попытки наконец увенчались успехом, и как раз в эту минуту в Колином воображении возникли огромные глаза балерины и гладкая прическа с пучком на затылке.

— Голиков, продолжай.

Коля не шелохнулся.

И тогда с задней парты раздался суровый голос заведующего учебной частью Бориса Афанасьевича:

— Чем ты занят, Голиков? Встань сейчас же!

Борис Афанасьевич был частым гостем на уроках Лидии Николаевны. Он, вероятно, думал, что его присутствие помогает молодой учительнице. На самом деле этот коренастый строгий мужчина только смущал ее.

Коля вскочил и... не смог вспомнить ни слова.

— Я же предупреждала, что тебя спрошу, — огорчилась Лидия Николаевна. — Ну?

Коля молчал.

— Садись, Голиков. Володя Сорокин.

Как только Володя поднялся с места, в классе послышался смех.

— Шум, шум, — постучала карандашом по столу Лидия Николаевна. — Ты когда-нибудь, Сорокин, выучил хоть одно стихотворение?.. Ну? Что ты молчишь?

Класс, очевидно, привыкший к подобным сценам, неизменно происходившим, когда на уроках литературы вызывали Володю Сорокина, продолжал шуметь.

— А на Сорокина еще Серафима Яковлевна рукой махнула. У него на стихи память плохая, — бодро ответил за приятеля Женья.

— Он что, сам не может сказать?

— Не может, — подтвердил Женья горестно.

— Садись, Сорокин, — сказала Лидия Николаевна.

— Безобразие! — вмешался завуч. — Молодую учительницу подводите. Она к нам в школу недавно пришла, заменяет Серафиму Яковлевну...

— А у Лидии Николаевны требования чересчур высокие, Борис Афанасьевич. Не то что у Серафимы Яковлевны, — не унимался Женья. — Она из нас хочет народных артистов сделать или ашугов.

— Липатов! — почти крикнула Лидия Николаевна.

Класс снова зашумел, но в это время грянул звонок.

— Вы с ними поостороже, — посоветовал завуч учительнице, когда все ребята уже выходили из класса. — У этой троицы двор — сплошное безобразие. Рядом с Парком культуры. Представляете?

Молодая учительница улыбнулась:

— Представляю.

— Там одни бандиты растут.

— Ну, так уж и бандиты! — возразила Лидия Николаевна.

Женя, тащивший за руку Колю Голикова, уже у самой двери обернулся:

— Борис Афанасьевич, между прочим, Лидия Николаевна в нашем доме живет. Она из нашего двора.

Завуч смущенно кашлянул.

А Лидия Николаевна сказала:

— Вот сегодня, наконец, дома я с вами и поговорю.

Женя ответил:

— А вот сегодня как раз мы никак не можем. Да, Коль? У нас с ним сегодня одно очень важное дело.

«Хореографическое училище при Государственном академическом Большом театре Союза ССР», — сообщала вывеска возле арки ворот.

Сквозь чугунную решетку забора Коля Голиков и Женя Липатов наблюдали за тем, что происходило во дворе училища.

Несколько учеников и учениц прогуливались по двору. У всех девочек были пучки на затылках.

— Смотри, форма как у нас, — сказал Женя.

Какой-то мальчишка стукнул другого.

— И дерутся, как у нас...

К ребятам донесся разговор двух подружек:

— По алгебре я все сделала, а классику повторить не смогла — нога болела.

— Так там же ничего особенного! Сперва это, — девочка бегло показала одну из фигур, — потом... и раз, два, три, и раз, два, три... и большой батман!

— И все? Это же я запросто... И раз, два, три, и раз, два, три...

— У нас отговорочка — голова болела, а у них — нога. Хорошо устроились! — продолжал Женя свои комментарии.

А Коля не мог проронить ни слова, так он был поглощен тем, что видел.

Прозвенел звонок, и двор опустел.

С улицы в арку ворот вошел мальчик лет десяти в школьной форме, с пионерским галстуком на шее. Он ел мороженое.

Женя остановил его:

— Эй!.. Ты из училища?

Мальчик кивнул, облизывая мороженое.

— В каком классе?

— В третьем.

— А чего не торопишься? Звонок был.

— У нас «пустой» урок... — сказал мальчик.

— Все как у людей, — сказал Женя Коле. — Слушай, — обратился он к третьекласснику, — а ты уже можешь что-нибудь изобразить?

Мальчик усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— За три года ни один танец не выдолбил? Чему же вас учат?

— Основные элементы классики. Постановка рук, ног, корпуса. У меня вот выворотность все хвалят, — с достоинством ответил третьеклассник.

— Чего, чего?

— Выворотность. Основа хореографии.

И мальчик стал в позицию, демонстрирующую выворотность.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)